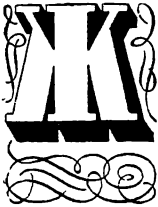

ПРОФ. В. КИРПОТИН
МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПУШКИНА

ИЗНЬ и творчество А. С. Пушкина относятся к первой трети XIX столетия. Это было время, когда в главных странах Европы, в сложном переплете исторических событий, капитализм и его идеология восторжествовали над феодализмом и наиболее острыми проявлениями средневековой идеологии. В России же только начали складываться силы, которые вели борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Деятельность Пушкина относится к периоду, ознаменованному деятельностью дворянских революционеров-декабристов. Как декабристы, как Герцен, как впоследствии, в шестидесятые годы, демократы-разночинцы, Пушкин, выражая зреющие потребности народного развития, много брал из передовой идеологии Запада, ушедшего тогда вперед по сравнению с Россией. В России началась критика самодержавно-крепостнического режима. Эта критика облегчалась влиянием передовых мыслителей западноевропейского просвещения. Пушкин, с детства владевший французским языком, жадно зачитывается произведениями мыслителей, подготовившими идеологическое вооружение французской революции конца XVIII века. На него оказывают огромное влияние философы и писатели-просветители.

В смысле и значении жадно впитываемой им идеологии Пушкин отдавал себе полный отчет. Он писал в статье, озаглавленной „О русской литературе с очерком французской“:

«Между тем дух последования и порицания начал проявляться во Франции. Философия XVIII века была направлена против господствующей религии, и любимым орудием ее была протия холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная... Влияние Вольтера было неизмеримо. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его внимание своими приношениями. Умы воз-

вышенные следуют за ним. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником, пылкий Дидерот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальполя приветствует энциклопедию. Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа едет в Ферней на поклонение. Наконец, Вольтер умирает, с восторгом благословляя внука Франклина и приветствуя новый свет словами, дотоле несслыханными. *Общество созрело для великого разрушения.* Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается.

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает до-нага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным.

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Францией на поприще философии...»

Пушкин усвоил целиком освободительный пафос просвещения XVIII века. Для него философия не была отвлеченной доктриной. Как и для великих мыслителей XVII и XVIII веков, философия для него была тесным образом связана с нравственностью и политикой. Она должна была помочь перестроить и общественную жизнь, и быт на новых свободных началах. Вот почему поэзия Пушкина всегда играла освободительную роль. Философия была для Пушкина не отвлеченным делом замкнутой школы, а живым интересом жизни, политики и литературы. Оттого-то мировоззрение Пушкина, передовое и глубокомысленное, так непринужденно и естественно наполняет атмосферу его стихов и его прозы. Пушкин никогда не упражнялся в дидактической и образовательной поэзии. Но *дух просвещения* в его творчестве выражен полнее и глубже, чем во многих и многих тяжеловесных трактатах.

С легкостью и изяществом гения, овладевшего предметом, он дает стихотворную формулировку теории познания века, уверенного во всемогуществе разума:

Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
 Пред солнцем бессмертным ума.
 Да здравствует солнце, да скроется тьма.

Начиная с Декарта и Спинозы, рационалистическая философия восходящей буржуазии верит в аподиктичность истины, верит, что истинное познание одной силой своей наглядной достоверности и убедительности побеждает невежество, заблуждение, незнание. Всю суть долгого философского пути, прокладывавшегося в боях с церковью и с суеверием, Пушкин выразил в пяти строичных строках, причем так выразил, что ни один мыслитель не мог бы к ним придаться с точки зрения философской точности и последовательности того времени.

Как у всех рационалистов материалистического направления, вера во всемогущество разума соединяется у Пушкина с признанием силы опыта, индуктивно исследующего многообразие земного мира.

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, —

писал он в одном незаконченном отрывке.

Для Пушкина мир был принципиально познаваем, ясен и открыт, он знал, что на земле еще много непознанного, неоткрытого, но он также твердо знал, что в мире нет мистической познавки, где копошатся какие-то будто бы таинственные силы, стоящие вне постижения человеческого разума. Внутреннее обнаруживается во внешнем, бога нет, мир материален и управляется не божьим произволом, а естественными законами. Пушкин высмеивает и преследует религиозное представление о мире. Пушкину многое не нравилось в окружающем мире, но его мечты и желания сосредоточивались здесь, на земле, а не в мистических обетованиях церкви или идеалистической философии.

Когда Пушкин в порыве страсти обращается к усопшей возлюбленной, он обнаруживает подлинную человечность своих чувств. Он не стремится к усопшей тени в загробный мир, а, наоборот, он хотел бы умершую вновь вернуть к себе, в реальный живой мир:

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего —
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Но для того, что иногда
Сомненьем мучусь, ... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда. („Заклиание“)

В смелых стихах „Гавриилады“ Пушкин превращает евангелие и христианство в смешное и глупое суеверие, достойное только осмеяния перед лицом разума. Рационалистическая смелость мыслителя, соединенная с вольностью эротической поэзии, пародийная торжественность в сочетании с реалистической трезвостью дают поразительный по силе эффект.

Вот изображение обуреваемого земной любовью Саваофа:

И ты, господь, познал ее волненье,
 И ты пылал, о боже, как и мы,
 Создателю постыло все творенье,
 Наскучило небесное моление, —
 Он сочинял любовные псалмы
 И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
 В унынии бессмертие влачу...
 Где крылья? К Марии полечу
 И на груди красавицы почию...»
 И прочее... все, что придумать мог.
 Творец любил восточный пестрый слог.

И с пушкинской экономностью и ясностью, без назойливого подчёркивания, как бы мимоходом, поэма внедряет в сознание читателя свою основную мысль — результат долгой борьбы научного материалистического взгляда на мир с тысячелетиями религиозного суеверия. Влюбленный бог, вседержитель мира, забросил все дела,

Весь мир забыл, не правил он ничем —
 И без него все шло своим порядком.

Бог, религиозно-идеалистические понятия о провидении, о промысле божьем и т. д. — все это только невежественный и реакционный вымысел. Мир на деле идет своим порядком по законам природы, не имеющим ничего общего с религией.

Материалистические начала в мировоззрении Пушкина не были привеском к общему строю его мыслей и чувств. Они пронизывают все его творчество, они окрашивают и его душевнейшие лирические стихи.

В стихотворении „Легенда“ земная страстная любовь к мадонне противопоставляется Пушкиным аскетически-религиозному поклонению богородице. Оно — дерзкий вызов учению церкви. Верность и постоянство поклонения рыцаря мадонне объясняются материали-

стическим, человеческим характером его чувства. Естественная человеческая любовь оправдана и превознесена над религиозной, которая тонко высмеяна: когда влюбленный рыцарь умер без причастья, бес хотел утащить его душу в преисподнюю:

Он де богу не молился,
Он не ведал де поста,
Целый век де волочился
Он за матушкой Христа.
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего. („Легенда“).

Здесь, на земле, сосредоточивалось для Пушкина все богатство мира, жизни, человека. Потусторонний мир — для него только фантом, только плюзия непросвещенного, невежественного воображения.

Материалистический и атеистический взгляд на мир с логической необходимостью исключал у Пушкина устои субъективизма. Мир для Пушкина являлся не продуктом мыслящего и чувствующего субъекта—эгоиста. Пушкин в досталь наглядился на современного ему человека...

С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящем в действии пустом. („Евгений Онегин“).

Себялюбие, эгоизм, превращение личности в центр вселенной, «пуп земли» всегда вызывали отвращение у Пушкина. Эгоистический субъективизм Пушкин клеймил многократно самым острым своим оружием — поэтическим словом и поэтическим образом. Алеко из „Цыган“ осужден Пушкиным за то, что *он для себя лишь хочет воли*. Первая отрицательная черта Онегина, как рисует его Пушкин, это — эгоцентризм, неумение и нежелание понять, что он только «момент» в бесконечном бытии, только звено в бесконечной цепи других существ.

Философский объективизм Пушкина объясняет нам и его отношение к Байрону, произведениями которого он увлекался во время своей ссылки на Юг.

В своем противопоставлении личности и общества Байрон впадал в необузданный субъективизм. Его герои — гордые, надменные люди, эгоисты, презирающие остальных людей, чувствующие над ними свое превосходство. Байрон — пессимист. Он считал невозможным разрешить удовлетворительным образом столкновение между личностью и обществом, он считал невозможным достижение счастья на земле.

Пушкин усвоил протестующую сторону поэзии Байрона. Герои его южных поэм — также одиночке разочарованные гордые люди. Но между Пушкиным и Байроном есть чрезвычайно важное коренное различие в пользу Пушкина. Пушкин — оптимист, он протестует против гнета и несовершенства общественного строя во имя счастья всех людей и верит, что это счастье достижимо на земле. Себялюбие и эгоизм своих разочарованных героев он считает не положительным, а отрицательным качеством. Пушкин требует равенства во взаимоотношениях между людьми. Он осуждает счастье и благополучие одного, достигаемое за счет других людей. Пушкин как материалист по основным тенденциям своего мировоззрения признает независимое от сознания отдельной личности существование объективного мира, он понимает, что каждый человек занимает в нем только свое определенное место, что каждый человек может быть счастлив только среди других людей и вместе с другими людьми.

Пушкин сознает свою личность в связи с миром и другими людьми.

Пушкин не пугался смерти. Она не ужасала его. Он не видел противоречия между конечностью человеческой жизни и бесконечностью природы. Смерть, если она приходит в конце радостной и удовлетворенной жизни, встречается человеком со спокойным сознанием неизбежного.

Смерть индивида не останавливает жизни, не лишает других возможности радоваться и наслаждаться. В самом высказывании Пушкина о смерти видно, как он любит землю: светило дня, небес завесу, немую ночи мглу, денницы сладкий час, знакомые холмы, ручья пустынный глас, безмолвие таинственного леса. Пушкин хочет жить в памяти друзей, ему приятно сознавать, что его возлюбленная вздохнет над его гробовою урною. Мужество перед лицом смерти он находит в мысли о вечности человеческого рода, об объективной, независимой от отдельного существования, ценности других людей, других поколений. Он рад молодой поросли, под-

нявшейся около знакомых ему трех сосен в Михайловском за время его десятилетнего отсутствия:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое. Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. — Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полн,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит. („Вновь я посетил“)...

Человек умирает, мир, природа, люди остаются.

Материалистическое и атеистическое мировоззрение Пушкина почти полностью предохранило его от воздействия реакции, восторжествовавшей в Европе вместе со „Священным союзом“ и укрепившейся надолго в России после разгрома декабристов.

Под конец жизни Пушкина, в результате травли, одиночества, безнадежности, в его поэзии проскальзывают религиозные мотивы.

Но даже это обстоятельство, казалось бы, находящееся в таком разительном противоречии с „Гаврилладой“, не может изменить общего тона творчества Пушкина — посястороннего, земного, материалистического, реалистического. Мало того, если говорить о мировоззрении Пушкина в терминах историко-литературных, а не философских, то придется отметить, что реализм его творчества нарастал непрерывно, вплоть до самой его гибели.

Пушкин относится отрицательно к немецкому классическому идеализму. «Ты пеняешь мне за „Московский вестник“ и за немецкую метафизику, — писал он А. А. Дельвигу, — бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями»...

Относясь отрицательно к немецкому идеализму, не понимая всего значения зарождавшейся в идеалистической форме диалектики, Пушкин обладал настолько широким философским кругозором, что все же разглядел положительное методологическое значение немецкой философии, разглядел в ней противоядие против все разъединяющего на отдельные части эмпиризма. XIX век с его политической и умственной реакцией, идеализмом и субъективизмом Пушкин

ценил меньше, чем XVIII столетие. Однако, несмотря на это, Пушкин написал следующие слова в статье „Мнение Лобанова“:

«Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей и, хотя говорили они языком, мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно».

Отрицательное отношение Пушкина к идеализму и субъективизму, его сопротивление нарастающей реакции, дают нам ключ к его пониманию романтизма, вызвавшему в обширной литературе о Пушкине большое количество разноречивых отзывов и толкований.

Под романтизмом Пушкин понимал свободу вдохновения — и только. Школа романтическая «есть отсутствие всяких правил», — писал он. Романтизм разрушал застывшие, враждебные естественности и правде, правила ложноклассицизма. Романтизм по сравнению с ложноклассицизмом был шагом вперед к реализму. Пушкин ценил романтизм за эти прогрессивные стороны его. Общепринятое же идеалистическое истолкование романтизма Пушкин отвергал. «Французские критики, — писал он, — имеют свое понятие о романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать унынья или мечтательности». *А унынье и мечтательность, т. е. пессимизм и идеализм*, были для Пушкина неприемлемы. Не идеалистическую верность действительности в противоположность условной неестественности классицизма искал Пушкин у романтиков.

Пушкин тщательно ограничивает романтизм формальной стороной, которая для него приемлема и важна. Идеалистический же и субъективистский дух романтизма Пушкин отвергал.

Отношение Пушкина к романтизму лишней раз доказывает, что поэт устоял перед идеологической реакцией послереволюционной Европы, Европы времен реставрации. Поэтому-то Пушкин и заявлял в такой категорической форме: «...Я в душе уверен, что XIX век, в сравнении с XVIII, в грязи».

Опираясь на романтизм, Пушкин обогатил свое материалистическое и реалистическое мировоззрение историзмом, интересом к на-

родным особенностям страны и пониманием диалектики человеческих характеров.

Круг исторических интересов Пушкина был обширен и разнообразен. Он понимал, что без знания прошлого невозможно понять настоящее и предвидеть будущее. Он интересовался и историей литературы, и историей в общем смысле. Он изучал историю древнего мира и современных его государств, историю стран, сословия и учреждений, историю России и историю других народов, входивших в состав Российской империи. История для Пушкина не была средством уйти от современности. Наоборот, современность он старался лучше понять через историю. Поэтому он от внимательного наблюдения современных ему крестьянских восстаний перешел к изучению истории восстания Пугачева. В движении Пугачева он открывал обобщающий смысл разрозненных крестьянских бунтов современности. В реформах Петра I Пушкин видел назидательный пример для Николая I. Изучение деятельности Петра имело для Пушкина не академический интерес. Оно было продиктовано актуальнейшими вопросами современной политики. Точно так же и к Смутному времени Пушкин обратил свои взоры не случайно, не по капризу гения. У Пушкина жило сознание непрочности современных ему политических и социальных отношений. Он знал, что самодержавно-крепостнический строй вызывал глубокую ненависть народных масс, едва прикрытую снаружи. От этого сознания Пушкин, естественно, обращался к Смутному времени, одному из самых драматических периодов прошлого нашей истории.

Тема „Борис Годунов“ — это тема власти и народа, и идея его — идея непрочности всякой власти, не опирающейся на общественное и народное мнение. Он вовсе не искал в прошлом аллегорий, аналогий и схем, всегда натянутых. Он стремился «к верному изображению лиц, времени, развития исторических характеров и событий». Реалистическое непредвзятое изображение прошлого лучше помогает правильному уразумению современности, чем любая аллегория. Поэтому Пушкин мог без особых натяжек написать в набросках предисловия к „Борису Годунову“:

«Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно переселиться в век, им изображенный. Француз пишет свою трагедию с *Constitutionnel* или с *Quotidienne* перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Суллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего

затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете; что кроме Эсфиря и Вероники нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в Британике смелый намек на увеселение двора Людовика XIV. Но вероятно ли, чтоб тонкий придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону. Будучи истинным поэтом, Расин, написав свои прекрасные стихи, был исполнен Тацитом — духом Рима: он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Вальполь (не помню, кто) замечает о Шекспире в подобном же случае».

Конечно, Пушкин стремился из боязни преследований снять с себя ответственность за «применения», за попытки истолковать „Бориса Годунова“ как иносказание о современности. Но против аллегоричности, против предвзятости, схематизма, нарушающих историческую правду, Пушкин восставал совершенно искренне. «Драматический поэт, — писал Пушкин в заметках о „Марфе Посаднице“ Погодина, — беспристрастный, как судьба, должен был изобразить столь же искренне отпор погибающей вольности, как глубокообдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине».

Историзм выгодно укреплял и усиливал реалистическую объективность пушкинского мировоззрения в вопросах социальных. То же самое следует сказать и о требовании народности, которое Пушкин предъявлял к искусству. Стремление к народности увеличивало конкретную наполненность, реалистическую насыщенность пушкинского творчества. Известно, с каким вниманием изучал Пушкин русскую народную словесность, язык, нравы и обычаи русского народа.

В пушкинском понимании понятия «народность» опять-таки обнаруживаются широта и свобода его мировоззрения. Он высмеивал литераторов, понимавших под народностью выбор предметов из отечественной истории или употребление простонародных выра-

жений. «Есть образ мыслей и чувствований, — объяснял он, — есть тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии».

Пушкина, по его мировоззрению, по его теоретическим взглядам, нельзя, конечно, назвать диалектиком, но в творческой практике он гениальным пониманием художника-реалиста дал не один пример диалектической разработки своих тем. Где особенно проявлялись диалектические черты в понимании Пушкиным действительности, так это в трактовке человеческих характеров. Он никогда не подходил к человеческой психологии, как к чему-то однолинейно-упрощенному, схематическому. Шекспира как художника характеров он ставил неизмеримо выше, чем Байрона.

«...Что за человек этот Шекспир, — писал Пушкин Н. Н. Раевскому. — Не могу притти в себя. Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним. Байрон, который постиг всего-на-всего один характер (именно свой собственный),... разделил между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою меланхолию и т. д. И таким образом из одного характера, полного, мрачного и энергичного, создал несколько характеров незначительных, — это уже вовсе не трагедия. Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый на свой образец, — читайте Шекспира».

Пушкин чувствовал отвращение к однолинейным, односторонним характерам:

«Чем больше думаю, тем сильнее чувствую, какой отвратительный предмет для художника в лице Мазепы. Ни одного доброго, благородного чувства. Ни одной утешительной черты. Соблазн. вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость. ...Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, — вот что увлекло меня. „Полтаву“ написал я в несколько дней: далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все».

Реализм Пушкина находится в тесной зависимости от его мировоззрения. Реализм Пушкина вырос и окреп на основе любви и внимания к конкретной действительности, а эти свойства его были результатом материалистического по своему духу мировоззрения, признававшего ценность объективного мира, мировоззрения, укрепленного изучением истории, народных особенностей и человеческих характеров.

Мировоззрение Пушкина было для своего времени передовым, прогрессивным. Гений Пушкина мужал и развивался не в уединении от общественных движений, а на гребне общественного подъема первой трети XIX века. Он питался живым еще тогда влиянием идеологических потоков, подготовивших французскую революцию, он рос на революционном подъеме двадцатых годов в России и в Европе. А после разгрома декабристов Пушкин остался в стороне от реакции, охватившей и широкие общественные круги. Сложными и извилистыми путями он начинает отражать в своем творчестве самые первоначальные, еще молекулярные процессы нового революционного подъема, в зрелом виде озаглавленного уже деятельностью русских просветителей-шестидесятников.

Прогрессивность мировоззрения и творчества Пушкина объясняет нам общенациональное значение его гения, его гуманность, его уважение к человеческой личности. Пушкин резко выделялся из окружавшего его общества своим отношением к мужику. Пугачев, к тактике которого поэт относился отрицательно, как человек изображен им положительными красками. Пугачев у Пушкина сметлив, смел, помнит добро. держит себя с огромным достоинством перед победившими его царскими военными. Господствующие классы изображают крестьянских революционеров обычно в виде каких-то потерявших человеческий облик диких зверей. Пушкин и в своих художественных произведениях и в публицистических высказываниях объяснял эксцессы бунтовавших крестьян жестокостью помещиков.

Сочувствие низам было осознанной чертой пушкинского гения. Право на бессмертие поэт завоевал не только эстетической ценностью своего творчества, но и тем, что в свой жестокий век прославил он свободу, что «чувства добрые он лирой пробуждал». Добрые чувства, о которых писал Пушкин, не следует понимать в узко психологическом смысле. Они включали в себе поэтическую проповедь политического и социального раскрепощения.

Вера в объективную ценность мира и людей, демократические струи в мировоззрении и творчестве Пушкина наполняли его стихи и прозу чувством доверия к будущему, чувством оптимизма. Пушкин — один из самых величайших жизнелюбцев, которых знало человечество за всю свою прошлую историю. Никакое исследование жизни и творчества Пушкина не будет полно, если в нем не будет подчеркнуто это свойство солнца русской поэзии. Оптимизм Пушкина прошел через испытание политических преследований, через горестные

предчувствия насильственной смерти, через опыт жизни в среде раззолоченных холопов, среди торжествующих скотов, в стране, подавляющее и лучшее большинство населения которой было на положении рабов. И все же ни холодные наблюдения ума, ни горестные заметы сердца не могли искоренить пушкинского оптимизма. Пушкинский оптимизм — золотой мост, связывающий его надежды с нашей действительностью.

Напряженно всматривался он сквозь мглу столетий в будущее. Пушкин обладал трезвым умом. Гармоническое будущее не казалось ему слишком близким.

Рассуждая в ирически-ироническом тоне о будущем русских дорог, Пушкин относил это будущее на пятьсот лет вперед от себя:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещенный мир
На каждой станции трактир. („Евгений Онегин“)

Успехи просвещения Пушкин связывает с промышленным и социальным прогрессом.

Через сто лет самые дерзостные мечты Пушкина исполнились более чем сторицей. Просвещение в нашей стране уже настолько проникло в народные массы, что девять десятых ее многонационального населения знают, ценят и любят Пушкина. Дороги у нас в самом деле изменились безмерно. Горы раздвинуты, под водами прорыты дерзостные туннели. Мало того, изменился и политический, и социальный строй страны — нет политического гнета, нет эксплуатации, страна живет на основе небывалой никогда раньше в мире Конституции, которую народ единодушно наименовал Сталинской. Значит ли это, что оптимизм Пушкина был слаб, что он был маловером? Ни в коем случае. Это значит, что творческие силы победившей социалистической революции безмерны, это значит, что ее

3*

плодоносную силу до Маркса не мог предвидеть ни один ум человеческий, как бы он ни был велик.

Народы Советского Союза чествуют память Пушкина. В грандиозных размерах этого чествования, в его глубоко народном характере также видны размер и размах культурных успехов нашей родины.

Сто лет назад Пушкин был затравлен и убит. Исчезли и развеялись в прах, превратились только в исторические воспоминания Александр и Николай, Бенкендорфы, Булгарины и Дантесы, исчезли, ликвидированы — и навсегда — самодержавие, крепостничество и эксплуатация.

Но Пушкин жив, живо его слово, живо в сердцах людей, водруживших знамя социализма, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на шестой части земного шара.

Тьма сокрылась, солнце взошло, поэзия Пушкина стала всенародным достоянием.

